

Пестрая лента

Плассон, Массне и Щедрин встретились в Москве

Независимая - 2004 - 12 апр. - с. 8.

Андрей Хрипин

В ожидании уже третьего по счету гергиевско-лужковского Пасхального фестиваля последняя великопостная неделя и сама по себе удалась на музыкальные события - возможно, не стратегические по сути, но интересные. В плане перфекционизма на первое место вышел один из уцелевших символов настоящей французской музыки Мишель Плассон, сыгравший во главе РНО стильную, чисто галльскую программу. Удивительно,

сомневается: да, Муслим Магомаев, но разве это певец?.. Возможно, это и не показатель, тем более куда как далеко все это от Плассона, но тем не менее. Плассон уникален хотя бы тем, что в своих исполнительских пристрастиях он - абсолютный патриот и играет преимущественно французскую музыку. Возможно, московский концерт маститого мэтра и не стал бог весть каким заоблачным откровением, не открыл нам новых берегов в интерпретации французских вещей, но это была чистая и честная работа великого тради-

В «Лолите» сюжет Набокова перемежается голосами ангелов и гимнами презервативам

но на концертах дирижеров подобного ранга (можно сказать, последних из могикан уходящей породы) в последнее время что-то не наблюдается даже намек на аншлаг (помнящие прошлогоднюю гастроль Курта Мазура подтвердят стабильное наличие пустых кресел). Впрочем, чему удивляться? Не знают - не ходят. Что уж там чужие, своих бы не забыть. Вот картинка из немного посторонней сферы, но выразительная. Захожу на днях в новенький и довольно большой магазин компакт-дисков. Посмотрев сначала, как и приличествует музыкальному обозревателю, классу, спрашиваю парней-продавцов: а где у вас тут господ Магомаев, Гуляев и иже с ними? Выясняется, что таких фамилий не знают, правда, один

ционалиста в лучшем смысле этого слова - без шарлатанства. От импрессионистского шелеста Дебюсси в «Послеполуденном отдыхе фавна» до мощных нарастаний звучности в равелевском Вальсе - везде в Плассоне пленяли легкость и вместе с тем основательность, интуиция, точный расчет и знание. В московской премьере довольно длинной, внезапно начинающейся и так же внезапно заканчивающейся концертной симфонии для гобоя с оркестром Жака Ибера (знаменитого музыкой к фильму «Дон Кихот» с Шаляпиным) с артистизмом и сдержанным шармом солировал 25-летний Алексей Огринчук, биография которого заняла в программке в три раза больше места, чем жизнь Плассона. Впрочем, француз принадле-

Французский патриот Мишель Плассон любит играть родную музыку.

Фото ИТАР-ТАСС

жит к тем людям, на визитках которых можно ставить только имя и фамилию.

В рамках «Золотой маски» Башкирский театр показал патристическую национальную оперу «Кахым-туря» Загира Исмагилова (вождь и народ во время войны 1812 г.), но по значимости башкир, конечно, обскакали пермяки - Перм-

ский театр, в упор не замечаемый все той же «Маской», привез два режиссерских спектакля Георгия Исаакяна, два раритета - старый и новый - «Клеопатру» Массне и «Лолиту» Щедрина. Примечательно, что на показе французской редкости в театре «Новая опера» кворум был полный - ни единого свободного места. Последний

оперный опус Жюль Массне (1911) оваян привкусом смерти и депрессивной атмосферой, музыка здесь как бы немного устала от жизни, она не так свежа и упоительна, как, например, в популярных «Манон» или «Вертере», а больше напоминает кабинетное умствование высохшего интеллекта. Как ни удивительно, в пар-

титуре Щедрина (присутствовавшего на московской премьере «Лолиты» вместе с Майей Плисецкой) оказалось на несколько порядков «больше музыки» и свежести. Кстати, Большой театр отверг когда-то щедринскую партитуру (написанную в оригинале на шведском языке), и вот теперь ее привезли «чужие». Пермская опера всегда была сильна на актерские личности и часто дарила их столицам. В нынешнем же созвездии пермской труппы сохранились две неугасимые звезды, освещающие грустный философско-поэтический театр Исаакяна (кстати, правнука классика армянской поэзии) светом вечной женственности. Это две Татьяны: Полуэктова (Клеопатра), берущая энергетический реванш в последнем действии, и Куинджи, создающая в роли Лолиты, пожалуй, свою самую гармоничную роль (как говорится, звезды совпали, карты легли). Без этих двух женщин спектакли, наверное, невозможны по определению, хотя дублерши у них, как полагается, есть. Исаакяна привлекают рефлексия и пограничные состояния человека, поэтому «Клеопатра» поставлена как жизнь актрисы сквозь времена и стили, а «Лолита» - тоже как путешествие в поисках утраченного рая. Начиная как извлеченная из саркофага египетская мумия, Клеопатра заканчивает актрисой-невротичкой типа Веры Холодной, умирая в больничной палате под капельницей. В «Лолите», абсолютно постмодернистской, коллажной опере, сюжет Набокова перемежается голосами ангелов, поющих хоралы, и рекламными паузами, когда две сексапильные девицы поют на полутарабарском языке гимны презервативам и прочим прелестям индустрии. Но суть, конечно, не в этом. ■